
Бюро исправления случайностей
Часть 1
Теория контролируемого хаоса
ЦВЕТОЧНОЕ КАФЕ
Кофе
Цветы
Хорошие люди
Лера Вельvet

Лера Вельvet

Бюро исправления случайностей. Часть 1: Теория контролируемого хаоса

https://litres.ru/74879114
SelfPub; 2026

Аннотация

Официально Вера — бариста в уютном флористическом кафе. Неофициально — агент службы Равновесия, чья работа — незаметно подправлять траектории чужих судеб. Задержать человека на переходе, перепутать стаканчики с кофе, столкнуть два одиночества У Веры был идеальный послужной список. Ровно до встречи с Артёмом.

Артём — талантливый архитектор, непростительно обаятельный скептик и человек с абсолютным иммунитетом к подсказкам судьбы. Там, где вселенная готовит ему счастливый случай, он умудряется уронить чертежи в лужу или вызвать полицию.

Когда тонкие намеки не работают, агенту приходится нарушить главный регламент и вмешаться лично. Но что делать, если вместо идеального плана знакомство оборачивается

искрящимся городским хаосом, а собственное сердце начинает сбоить?

Уютная и хулиганская городская сказка о потерянных зонтах, судьбоносных круассанах и любви, которая случается вопреки всем расчетам.

Содержание

Глава 1 5
Лаванда, миндаль и двадцать секунд опоздания. 5
Глава 2 10
Человек с несгибаемым графиком 10
Глава 3 22
Дождь по расписанию 22
Глава 4 34
«Нарушение протокола 4» 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Бюро исправления случайностей. Часть 1: Теория контролируемого хаоса

Глава 1

Лаванда, миндаль и двадцать секунд опоздания.

Теория вероятностей на двойном эспрессо
Лера Вельvet

Знаете, в должностной инструкции Службы Равновесия первым пунктом значится: «Никогда не привязывайтесь к материалу». Материалом у них называются люди. Обычные такие, спешащие по своим серым вторникам люди, которые понятия не имеют, почему вдруг сломался каблук прямо перед дверью уезжающего вагона метро или отчего бариста на углу перепутала сироп.Они злятся, чертыхаются, вытирают салфеткой пятно с пальто — и не знают, что этот дурацкий

кленовый сироп вместо карамельного спас их от лобового столкновения на перекрестке через два квартала.Я работаю в кофейне «Бутон & Зерно» уже второй год. Официально — варю лучший в районе раф с лавандой и поливаю папоротники в керамических горшках. Неофициально — держу баланс в квадрате улиц Садовой и Малой Бронной. Мой рабочий инструмент — это не волшебная палочка и не крылья за спиной. Мой инструмент — это двадцать секунд задержки перед выдачей картонного стаканчика.До сегодняшнего утра мой личный рейтинг точности составлял девяносто восемь и четыре десятых процента. Служебный блокнот с серебряным обрезом лежал под кассой, закрытый на плотную резинку, и в нем было аккуратно выведено утреннее предписание:- Объект: Васильев Артём Игоревич, 31 год. Ведущий архитектор бюро «Среда».- Задача: свести траекторию с объектом «Соколова Марина» (юрист, столик 3).- Механика: сдвиг тайминга на 40 секунд через ошибку в заказе. Случайное столкновение у стойки сахара. Вспышка узнавания. Финал ветки: крепкий союз через 14 месяцев.

Все было готово. Я выставила Марине латте на овсяном — с легкой коричной посыпкой, как она любит. Марина уже достала помаду, поглядывая в карманное зеркальце. И тут в дверях звякнул колокольчик.Вошел он.Артём. Пальто цвета мокрого асфальта расстегнуто, под мышкой — внушительный картонный тубус с чертежами, шарф намотан так, будто он наматывал его на бегу, опаздывая на собственный по-

езд. Взгляд цепкий, быстрый, серый, как небо перед снегом. Человек-линейка. Человек, у которого даже складки на рукавах кажутся выверенными по золотому сечению. — Доброе утро, — бросил он, даже не глядя на витрину. — Двойной эспрессо. Без сахара, без корицы, без разговоров о погоде. Если можно, за сорок секунд — у меня через три минуты согласование фасада. «Очаровательно», — подумала я. И улыбнулась своей самой мягкой, тренированной улыбкой агента, которой обычно усыпляют бдительность бдительных граждан.— Секунду. Эспрессо будет идеальным.

Мой план был прост и элегантен, как швейцарские часы. Я нарочно затянула помол на двенадцать секунд, затем «случайно» уронила питчер, заставив его задержаться у кассы ровно настолько, чтобы Марина грациозно поднялась со своего кресла и подошла забрать салфетку. Расчетная точка встречи — у высокого фикуса возле стойки выдачи. Им оставалось сделать по три шага навстречу друг другу.Я протянула ему чашку:— Ваш эспрессо. Осторожно, очень горячий.Марина сделала шаг. Артём повернулся на каблуке. Я уже затаила дыхание, мысленно готовясь поставить аккуратную зеленую галочку в служебном формуляре.Но Артём… не пошел к фикусу. Он вообще пошел по траектории, которой не существовало ни в одном расчете Службы. Заметив, что шнурок на его правом ботинке опасно развязался, он резко, с грацией испуганной цапли, вильнул влево, зацепил локтем картонный тубус, сбил стойку с открытками, по-

пытался поймать падающий буклет «Цветы недели» коленом — и со всего маху врезался… спиной в стеклянную витрину с десертами.Марина испуганно пискнула и отшатнулась, уронив помаду прямо под ноги входящему курьеру с тяжелой коробкой. Курьер наступил на помаду, поскользнулся и с глухим стуком приземлился в кадку с монстерой.В кофейне повисла звенящая, хрустальная тишина. Только эспрессо медленно и красиво капал с лацкана безупречного серого пальто Артёма на ламинат.Марина посмотрела на этого катастрофического мужчину с неприкрытым ужасом, перешагнула через перепуганного курьера и, не говоря ни слова, выскочила на улицу, хлопнув дверью так, что жалобно звякнул колокольчик. Ветка судьбы «Соколова — Васильев» лопнула прямо у меня на глазах с тонким электрическим треском, который слышу только я.Артём медленно выпрямился. Поправил съехавшие очки. Посмотрел на лужицу кофе на своем плече, потом перевел взгляд на меня. В его серых глазах не было ни капли смущения — только глубокое, философское раздражение на несовершенство этого бренного мира.— Девушка, — произнес он очень ровным, бархатным голосом, в котором звенела сталь. — Вы насыпали туда порох? Или у вас в кофемашине живет барабашка?Я стояла с зажатой в руке тряпкой, чувствуя, как у меня предательски дергается левый глаз.

Мой стопроцентный послужной список только что разбился о картонный тубус этого ходячего архитектурного бед-

ствия.— Это был… лавандовый сироп по ошибке, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Он иногда дает непредсказуемую реакцию с гравитацией.Артём приподнял бровь. Медленно снял испорченное пальто, обнажив темно-синий свитер крупной вязки с закатанными до локтей рукавами, и положил обе ладони на мою деревянную стойку.— Значит так, бариста-катастрофа. Чертежи спасти удалось. Мое пальто — нет. Согласование фасада через две минуты, и туда я в таком виде не пойду. Либо вы наливаете мне нормальный кофе за счет заведения и находите сухую салфетку, либо я остаюсь здесь жить, пока не высохнет шерсть.Под кассой тихо и тревожно завибрировал служебный блокнот. На пустой странице сами собой начали проступать красные чернила:«Внимание. Критическое отклонение объекта. Вероятность хаоса — 74%. Примите меры к нейтрализации контакта».Я посмотрела на блокнот. Посмотрела на Артёма. На его упрямый подбородок, насмешливые морщинки в уголках глаз и мокрое пятно от лучшего в городе эспрессо.И мне вдруг до покалывания в пальцах захотелось нарушить еще парочку инструкций.

Глава 2

Человек с несгибаемым графиком



Мне хотелось нарушить ещё парочку инструкций.Например, выйти из-за стойки, взять Артёма за мокрый лацкан и объяснить, что лавандовый сироп ни при каких обстоятельствах не вступает в реакцию с гравитацией, зато некоторые мужчины опасно вступают в реакцию с моим терпением.Но я была на работе.А на работе даже тайный агент Службы Равновесия должен хотя бы иногда выглядеть как человек, ко-

торый умеет пользоваться кассовым аппаратом.— Нормальный кофе за счёт заведения, — повторил Артём. — И сухую салфетку.Он произносил это так, будто давал мне шанс сохранить остатки профессиональной репутации.— Салфетка будет, — сказала я. — А кофе… вы уверены, что после сегодняшнего всё ещё готовы доверять напиткам?— Я не доверяю напиткам уже лет пятнадцать.— Тогда вы удивительно смело заказываете их в общественных местах.В уголках его глаз мелькнуло что-то похожее на улыбку. Не улыбка, конечно. Скорее её технический чертёж: две едва заметные складки, намёк на изгиб губ, кратковременное нарушение суровой симметрии лица.Но я заметила.Я вообще замечала слишком много.— Двойной эспрессо, — сказал он. — И полотенце, если у вас есть.— Есть. В подсобке.— Отлично.— Правда, оно с вышитыми ромашками.— Я переживу ромашки.— Не уверена. Они очень жизнерадостные.Он посмотрел на меня поверх очков. Его взгляд задержался на моём лице на секунду дольше, чем требовалось для оценки степени угрозы.У меня вдруг пересохло во рту.В этом не было ничего необычного. В кофейне стоял жар от кофемашины, за окном начинал моросить дождь, а я с самого утра не успела нормально позавтракать. Любая разумная женщина объяснила бы внезапное тепло именно этим.Я тоже попыталась.Не получилось.— Полотенце, — повторил он.— Сейчас.Я развернулась и ушла в подсобку, пока моё лицо не стало ещё одним элементом городской катастрофы.Внутри пахло кар-

тоном, сухой землёй и мятой. На полке стояли коробки с чашками, мешки с кофейными зёрнами и горшок с геранью, которую Лена называла Маргаритой. Я схватила первое полотенце, какое попалось под руку, но на нём действительно были вышиты три жёлтые ромашки и надпись: «Улыбнись, всё получится».— Это враньё, — прошептала я цветам.Герань осуждающе молчала.Когда я вернулась, Артём стоял у окна и смотрел на улицу. Пальто он снял, перекинув через руку. Тёмно-синий свитер подчёркивал ширину плеч, а закатанные рукава открывали запястья и сильные предплечья. На левой руке у него были часы с простым чёрным ремешком. Никакого украшения, даже кольца. На правой — тонкий след от пореза, почти заживший, пересекающий кожу у большого пальца.Я почему-то подумала, что хочу знать, откуда он.Это было крайне непрофессионально.Я протянула ему полотенце.— Вот.Он посмотрел на ромашки.— Вы издеваетесь?— Я предупреждала.— Нет, вы сказали, что оно с ромашками. Это не предупреждение. Это факт.— Для людей с богатым воображением — предупреждение.Он взял полотенце, промокнул пятно на пальто и с неожиданной аккуратностью сложил его вдвое.— Вы часто портите одежду клиентам?— Только тем, кто ставит невыполнимые требования.— Я попросил кофе.— Вы попросили кофе за сорок секунд, без сахара, без корицы и без разговоров о погоде. Это не заказ, а ультиматум.— Ультиматумы экономят время.— Иногда они экономят жизнь. Например, если человек не успе-

вает узнать, что его пальто нельзя сушить на батарее.Артём снова посмотрел на меня.На этот раз улыбка всё-таки случилась.Короткая, едва заметная, но настоящая.И у меня внутри что-то неприятно и сладко дрогнуло, как ложка в чашке, которую задели локтем.Ненавижу, когда объект оказывается привлекательным.Это значительно усложняет отчётность.— Сколько я вам должен? — спросил он.— За кофе — ничего. За разрушение витрины — обсудим после инвентаризации. За моральный ущерб курьеру — он уже получил бесплатный чай.— Я не разрушал витрину.— Вы столкнулись с ней спиной.— Витрина стояла на траектории.— Витрина была на месте.— Это спорное утверждение.— Скажите это владельцу.Он посмотрел на часы и нахмурился.— Уже опоздал.— На согласование фасада?— На жизнь, — сухо сказал Артём. — Но фасад тоже важен.Он положил полотенце на стойку и стал надевать пальто. Пятно от кофе никуда не исчезло, зато теперь выглядело так, будто на серой шерсти кто-то пытался нарисовать карту маленького континента.Я должна была отпустить его.Любой здравомыслящий сотрудник Бюро на моём месте отпустил бы. Первая ветка разрушена, контакт признан нежелательным, красное предупреждение требовало нейтрализации.Но блокнот под кассой продолжал вибрировать.Я вытащила его, прикрыв ладонью экран.Объект покидает зону вероятностной коррекции.Рекомендуется незамедлительно активировать резервный сценарий.Точка: станция метро «Садовая».Кандидат: Полина Ветрова, искус-

ствовед.Механика: рассыпанные яблоки, помощь, зрительный контакт.Ниже проступила ещё одна строчка:Не вступать в прямой контакт.Я посмотрела на Артёма.Он как раз застёгивал пальто. Волосы у него после дождя слегка завились у висков. Очки сидели криво, но он этого не замечал. Пахло от него мокрой шерстью, холодным воздухом и чем-то древесным — возможно, дорогим парфюмом, а возможно, просто осенним городом.— Вы что-то сказали? — спросил он.— Нет.— Тогда почему смотрите?— Проверяю, не осталось ли на вас следов лавандового сиропа.— Вы очень внимательная.— Это профессиональное.Он прищурился.Я улыбнулась.— Бариста должны следить за чистотой одежды клиентов.— Впервые слышу о такой обязанности.— У нас строгие стандарты.— Заметно.Он взял тубус и направился к двери. Колокольчик над входом звякнул, впуская внутрь влажный ветер.Я успела подумать, что всё.Он уйдёт. Я останусь здесь, среди кофе, цветов и служебных предупреждений, а Артём продолжит свой безупречный путь навстречу катастрофе. Возможно, однажды он действительно попадёт под грузовик, потому что будет в этот момент проверять угол наклона фасада.Но у самого выхода он обернулся.— Бариста.— Да?— Как вас зовут?Вопрос был простой. Обычный. Человеческий.И совершенно запрещённый.Я могла назвать имя. Могла не назвать. Могла сказать «Вера», а потом всю оставшуюся неделю объяснять Бюро, почему объект получил доступ к моим персональным данным.— У меня нет

имени, — сказала я.Он внимательно посмотрел на меня.— Это неудобно.— В основном для окружающих.— Тогда буду называть вас бариста-катастрофа.— Только попробуйте.— Уже.Он открыл дверь и вышел.Я осталась одна в кофейне, прижав ладонь к стойке. Под пальцами дерево было тёплым, гладким и абсолютно равнодушным к моим профессиональным провалам.Через десять секунд я сорвала фартук с крючка.— Лена!Она выглянула из подсобки с коробкой стаканчиков.— Что случилось?— Мне нужно отлучиться.— Сейчас?— На двадцать минут.— У тебя через пятнадцать заканчивается смена.— Тогда это будет очень организованное отлучение.— Вера, ты куда?Я уже натягивала пальто.— Спасать человека от яблок.Лена посмотрела на меня с тем выражением, с каким обычно смотрят на родственницу, которая после тридцати внезапно решила пойти в цирк.— Ты опять вмешиваешься в чужую личную жизнь?— Нет.— Вера.— Я вмешиваюсь в чужую траекторию.— Это одно и то же, только звучит хуже.Я не стала спорить.До станции метро было семь минут быстрым шагом. До начала сценария — одиннадцать. Идеальное окно.Я вышла на улицу, прижимая к себе сумку и служебный блокнот. Дождь усилился. Мелкие капли садились на ресницы, растекались по щекам, забивались под воротник. Подол плаща быстро намок, туфли неприятно скользили по плитке.Я почти добежала до перехода, когда впереди показался Артём.Он шёл по противоположной стороне улицы, не торопясь, хотя опаздывал. Тубус под мыш-

кой, телефон у уха, взгляд направлен куда-то в сторону недостроенного здания.— Нет, — говорил он в телефон. — Я понимаю, что подрядчик считает это несущественным. Именно поэтому он не должен принимать решения по несущей конструкции.Он остановился у светофора и посмотрел на красный сигнал.Я замедлила шаг.Между нами было метров двадцать. Он меня не заметил. Это было хорошо. Так и должно было быть.Я коснулась пальцами края блокнота и направила в светофор крошечный импульс вероятности.Зелёный должен был загореться на две секунды раньше.Артём должен был перейти дорогу.Я должна была оказаться на станции незаметно, активировать ветку и наблюдать со стороны.Но в этот момент рядом с ним остановилась пожилая женщина с огромной клетчатой сумкой. Один пакет выскользнул из неё и покатился по мокрому асфальту.Артём прервал разговор.— Подождите, — сказал он в телефон.Он наклонился и поднял пакет.Женщина его поблагодарила, он ответил. Потом заметил, что у неё развязался шнурок, и поставил сумку на землю, чтобы завязать его.Он делал это спокойно, внимательно, без раздражения.Я застыла под дождём.Это был не тот человек, который не замечает людей.Он просто выбирал, кого замечать.А потом светофор загорелся зелёным.Артём помог женщине перейти улицу, хотя сам из-за этого окончательно потерял время.Моё сердце неприятно сжалось.Какое право он имел быть добрым после того, как довёл меня до состояния служебной истерики?Женщина попрощалась с

ним у входа в метро. Артём снова достал телефон, посмотрел на экран и с выражением человека, которому только что сообщили о падении цивилизации, спустился по лестнице.Я пошла следом.На станции было душно. Мокрые пальто пахли дождём, поездной пылью и чужой усталостью. Люди двигались сплошным потоком, не глядя друг на друга. Идеальное место для случайной встречи.Полина Ветрова уже стояла у колонны.Она была именно такой, какой её описывали в карточке: светлое пальто, бордовый берет, тонкий шарф, внимательные глаза. В руках — бумажный пакет с зелёными яблоками.Я заняла позицию у автомата с водой.Артём вышел на платформу через двадцать секунд.Он снова читал чертёж.Даже в метро.Даже под объявление о прибытии поезда.Даже когда перед ним внезапно возникла женщина в бордовом берете.Я достала хронометр.Семь секунд.Полина переступила с ноги на ногу.Пять.Я едва заметно коснулась носком мраморной плитки.Три.Пакет с яблоками хрустнул.Две.Одна.Дно бумажного пакета лопнуло.Яблоки покатились по платформе.Одно мягко ударилось о ботинок Артёма.Он не поднял головы.Второе прокатилось мимо.Третье остановилось у самого края платформы.Полина охнула и присела, пытаясь собрать покупки.Артём сделал шаг вперёд.Я задержала дыхание.Он должен был нагнуться. Подать яблоко. Посмотреть на неё. Сказать что-нибудь человеческое.Вместо этого он переступил через первое яблоко.Потом через второе.Третье он аккуратно обогнул, не отрывая взгля-

да от чертежа.— Осторожнее, — произнёс он.Полина подняла голову.— Простите?Артём наконец посмотрел на неё.У неё были большие карие глаза, мягкие черты лица и выражение растерянности, которое у большинства мужчин вызывает желание немедленно помочь.У Артёма оно вызвало, кажется, только желание проверить время.— Здесь яблоки, — пояснил он.— Я заметила.— Тогда хорошо.Он снова опустил взгляд на чертёж.Я почувствовала, как во мне медленно закипает что-то густое и опасное. Возможно, кофе. Возможно, злость. Возможно, совершенно неслужебное восхищение человеком, который умудрялся быть одновременно невыносимым и удивительно красивым.Полина подняла одно яблоко.— Вы могли бы помочь.— Мог бы.— Но не помогли.— Вы справились сами.— Это не очень вежливо.Артём посмотрел на неё чуть внимательнее.— Вежливость не входит в техническое задание.— А что входит?— Не опоздать.В этот момент в тоннеле появился поезд.Ветер ударил по платформе, взъерошил волосы Полины и распахнул край чертежа Артёма. Лист кальки взметнулся. Он мгновенно прижал его ладонью к тубусу, но один угол всё-таки загнулся.Яблоко, лежавшее у его ноги, покатилось к открывающимся дверям.Артём машинально шагнул за ним.Поезд остановился.Двери разъехались.Он вошёл в вагон.Полина осталась на платформе, держа в руках два яблока и остатки пакета.— Вы серьёзно? — крикнула она.Артём обернулся.— Что?— Вы сейчас просто уезжаете?— Да.— В противоположную сто-

рону!Он взглянул на табло.На лице впервые появилось настоящее замешательство.Всего на мгновение.Потом он пожал плечами.— Значит, сегодня так.— Но вам куда?— На «Дегунино».— Это конечная.— Я вижу.— А вам разве не в центр?— Уже нет.Двери закрылись.Поезд тронулся.Артём стоял у окна, глядя на собственный чертёж. Через секунду его лицо снова стало собранным и непроницаемым.Он уехал.В противоположную сторону.С яблоком под ногами, неслучившимся знакомством за спиной и таким видом, будто именно это и было частью его тщательно продуманного плана.Полина медленно подошла ко мне.— Вы его знаете?Я посмотрела на удаляющиеся красные огни.— К сожалению, уже начинаю.— Он всегда такой?— Нет.— А какой?Я подумала о том, как он завязывал шнурок пожилой женщине под дождём. Как складывал ромашечное полотенце. Как на секунду улыбнулся, будто не хотел, чтобы улыбку заметили.— Более сложный, чем кажется, — ответила я.Полина вскинула брови.— Это вы сейчас его защищаете?— Я сейчас пытаюсь понять, почему он сел в поезд, который идёт в Дегунино.Под кассой в моей сумке завибрировал блокнот.Я раскрыла его.Красные чернила проступали медленно, словно даже им было неловко сообщать новости.Сценарий 2 сорван.Причина: объект игнорирует романтические сигналы, бытовые препятствия и географическое направление.Уровень стресса объекта: 0%.Уровень стресса агента: критический.Я ждала продолжения.Оно появилось через несколь-

ко секунд:Рекомендуется прекратить полевые испытания.— Даже не думай, — сказала я блокноту.Полина посмотрела на меня.— Вы точно не психолог?— Точно.— Тогда кто?Я закрыла блокнот.— Женщина, которая слишком долго наблюдала за одним мужчиной.Это прозвучало хуже, чем я хотела.Гораздо хуже.Полина собрала оставшиеся яблоки и направилась к выходу. Я осталась на платформе, слушая, как следующий поезд грохочет в тоннеле.Внутри меня уже формировалось решение.Не разумное.Не служебное.Не предусмотренное ни одним протоколом.Я достала телефон и открыла карту метро. Линия до Дегунино тянулась через полгорода. Там были промзоны, пустые платформы, заброшенные склады и один небольшой выход к набережной, где в ноябре обычно гуляли только дворники и люди, потерявшие надежду.Артём ехал туда.Я могла вернуться в кафе.Могла признать сценарий проваленным.Могла позволить человеку с несгибаемым графиком самому разобраться, где находится его бюро.Но пальцы уже нажимали на маршрут.Если судьба не умеет разговаривать с ним намёками, придётся попробовать что-то более прямое.Например, дождь.Или аварийное торможение.Или честный разговор.Хотя честный разговор был самым опасным вариантом.Поезд прибыл.Я шагнула в вагон.В стекле напротив отразилось моё лицо: влажные волосы, покрасневшие щёки и глаза женщины, которая только что добровольно села в поезд за мужчиной, не заметившим ни одного яблока.— Ну что, Артём, — пробормотала

я, когда двери закрылись. — Посмотрим, как ты справишься с ливнем.На стекле вагона дрогнуло моё отражение.А где-то далеко, на конечной станции, человек с чертежами наверняка уже готовился обвинить городскую инфраструктуру в личном заговоре против него.И почему-то от этой мысли мне стало тепло.

Глава 3

Дождь по расписанию

На следующей станции я вышла из вагона. Исключительно потому, что преследовать мужчину через полгорода считалось нарушением служебной этики. А ещё я вспомнила, что оставила Лену одну с кофемашиной, поставщиком пионов и женщиной, которая уже неделю выбирала букет «не слишком обязывающий, но чтобы он понял».

Нельзя было бросать коллегу сразу в трёх чрезвычайных ситуациях. К тому же блокнот наконец сообщил полезное: ***в восемнадцать десять Артём должен был вернуться в наш район на встречу с заказчиком.***

Я убрала телефон. Восемнадцать десять меня устраивало. У судьбы оставалось время переодеться.

— Почему у тебя лицо человека, который сейчас будет портить погоду? — спросила Лена, когда я вернулась в кафе.

— Профессиональная деформация.

Она подрезала стебли белых ранункулюсов. На столе лежала влажная бумага, пахло зеленью и свежим срезом — тот особенный запах, ради которого некоторые люди становятся флористами, а остальные просто задерживаются у нас дольше, чем собирались.

— Мужчину нашла?

— Нашла.

— И?

Я повесила пальто.

— У него отношения с мостом.

Лена понимающе кивнула.

— Серьёзные?

— Кажется, со взаимными обязательствами.

Она протянула мне секатор.

— Тогда подержи. Я пойду поем, пока у тебя не началась борьба за опеку над опорами.

Восемнадцать ноль три.

За окнами стоял сухой ноябрьский вечер. По стеклу тянулся свет от вывески, прохожие прятали подбородки в шарфы. Никакого дождя в ближайшие два часа не ожидалось. Я проверила, закрыта ли дверь в подсобку, и дважды нажала на кнопку кофемашины с надписью «Очистка».

Экран погас. Затем на нём появилось:

"РЕЗЕРВНЫЕ ПРОТОКОЛЫ."

Я выбрала погодные.

"«ВНЕЗАПНЫЙ ЛИВЕНЬ». Продолжительность: семь минут. Радиус: сто двадцать метров. Предупреждение: возможна повышенная искренность мокрых людей."

Последнее я пропустила. Опыт показывал, что мокрые люди обычно искренне хотят сухие носки и горячий чай.

Перед подтверждением терминал запросил цель вмешательства. Я ввела: ***«Направить объект в безопасное помещение. Обеспечить паузу в маршруте».***

Никаких свиданий. Никаких яблок. Для начала Артёму следовало просто остановиться, выпить что-нибудь горячее и заметить, что мир состоит не только из несущих конструкций. На этот случай я приготовила столик у окна. Убрала засохший лист из вазы, поправила лампу, положила рядом меню. Потом подумала и отодвинула вазу подальше. С фруктами у нас уже не сложилось. Незачем было рисковать цветами.

В 18:09 Артём появился на противоположной стороне улицы. Он шёл быстро, придерживая тубус локтем, и разговаривал по телефону. Остановился у перехода, выслушал что-то с таким выражением лица, с каким я обычно слушала объяснения, почему овсяное молоко нельзя пробить как обычное.

Я нажала: ***«Подтвердить».***

Первая капля ударила в подоконник.

Вторая — в дорожный знак.

На третьей небо, очевидно, решило не мелочиться.

Дождь обрушился на улицу сплошной шумящей стеной.

Прохожие рванули под козырьки. Мужчина с пакетом багетов прижал покупку к груди. Девушка у перехода раскрыла зонт, посмотрела на вывернувшиеся спицы и беззвучно произнесла что-то очень понятное только тем, кто попадал в подобную ситуацию.

Артём поднял голову.

Я подалась вперёд.

Вот сейчас.

Он посмотрел на небо, затем на воду у бордюра.

Потом отошёл на два шага вправо.

— Нет, — тихо сказала я. — Не туда. Сюда.

Он убрал телефон, поправил ремень сумки и направился вдоль улицы — мимо нашего кафе.

Я взглянула на терминал.

«***ОБЪЕКТ ВЫБИРАЕТ АЛЬТЕРНАТИВНОЕ УКРЫТИЕ.»***

— Я вижу. – пробубнила я в недоумении.

Через дорогу светился вход в банк. Над ним был широкий козырёк, под которым уже теснились трое.

Ну разумеется! Даже от дождя Артём собирался прятаться в месте, где ничего не напоминало о человеческих чувствах.

Я повернула регулятор на одно деление.

У банка с козырька сорвалась тяжёлая струя.

Артём остановился.

Медленно посмотрел вверх.

Затем — на наше окно.

Я успела схватить тряпку и принять вид женщины, которую исключительно занимает чистота столешницы.

Колокольчик над дверью звякнул так резко, будто тоже промок.

Артём вошёл вместе с порывом холодного воздуха.

С волос у него капало. Плечи пальто потемнели, на ресницах блестела вода. Он придержал дверь, пропуская следом пожилую женщину с маленькой собакой, и только потом оглядел зал.

Вернее, нижнюю его часть: порог, потом коврик и плитку возле входа.

— У вас здесь кто-нибудь уже падал? — спросил он.

Я посмотрела на него поверх тряпки.

— Сегодня ещё нет.

— Скользко.

— На улице дождь.

— Именно поэтому у входа должен быть нормальный грязезащитный ковёр.

Я медленно опустила тряпку.

За его спиной пожилая женщина вытерла собаке лапы носовым платком.

— Чай? — предложила я. — Кофе? Полотенце?

— Полотенце, пожалуйста.

Он снял очки.

Без них лицо оказалось моложе. И глаза — серые, внимательные — вдруг стали слишком хорошо видны.

Очень некстати.

Я достала из-под стойки чистое полотенце.

Артём взял его, поблагодарил и, вместо того чтобы вытереть голову, наклонился к тубусу и проверил крышку. Про-

мокнул резьбу.

«Конечно. Сначала близкие.» – подумала я не подавая вида, что наблюдаю за ним.

— Не пострадал? — спросила я.

— Кто?

— Ваш цилиндрический спутник.

Он поднял глаза. На секунду мне показалось, что он улыбнётся.

— Чертежи сухие.

— Слава богу. За вас я уже почти не волновалась.

Он всё-таки усмехнулся — коротко, одним уголком рта — и провёл полотенцем по волосам.

Мне это совершенно не понравилось. Точнее, понравилось, но совершенно не вовремя.

— Чай с имбирём? — повторила я.

— Можно просто чёрный.

— Согреетесь.

— А вот это вряд ли согреется.

Он кивнул за окно. Я проследила за его взглядом. Вдоль бордюра неслась вода.

— Улица?

— Ливнёвка. Посмотрите на решётку.

Я посмотрела. Решётка лежала на своём обычном месте и ничем не выделялась среди других городских вещей, которые я замечала только тогда, когда роняла в них ключи.

— Вижу.

— Вода до неё не доходит. Уклон в другую сторону.

Я поставила чайник.

— Возможно, у воды свои планы.

— У воды нет планов. Есть рельеф.

— Как удобно.

Он не услышал. Или предпочёл не услышать. Снял пальто, повесил на спинку стула и снова подошёл к окну. Столик с лампой остался за его спиной. Тихая музыка звучала впустую. Белые ранункулюсы не произвели никакого впечатления.

Зато водосток занял его целиком.

— Решётка забита листьями, — продолжил Артём. — Но дело даже не в этом. Видите, как поток уходит к ступеньке?

Я поставила перед ним чашку.

— Вижу ваш чай.

— Спасибо. Здесь переделывали тротуар недавно?

— В августе.

— Подняли покрытие. Вход остался ниже.

Он сказал это без злорадства, скорее с усталостью человека, который уже много раз видел одно и то же. Я даже почти прониклась.

Пока он не добавил:

— И водосточная труба у вас заканчивается неправильно.

— У нас прекрасная труба.

Артём повернулся.

— Я не оцениваю её личные качества.

Из подсобки донёсся подозрительный кашель Лены.

Я мысленно внесла её в список на ближайший внезапный ливень.

— Чай остынет, — сообщила я.

— Ещё минута.

— Уверены? Может, сначала обсудим фундамент? Я могу открыть подвал.

Он посмотрел на меня внимательнее. Но тут за окном что-то громко булькнуло.

Вода у бордюра пошла пузырями. Мой служебный браслет коротко завибрировал.

Я опустила взгляд.

«ПРОТОКОЛ ВЫПОЛНЕН. РЕКОМЕНДУЕТСЯ СНИЗИТЬ ИНТЕНСИВНОСТЬ ОСАДКОВ.»

Я незаметно нажала на боковую кнопку. Ничего не произошло.

Нажала ещё раз.

«ЗАПРОС ПРИНЯТ.ОСТАТОЧНЫЕ ОСАДКИ: ДВЕ МИНУТЫ СОРОК СЕКУНД.»

Очень хорошо.

Две минуты сорок секунд я ещё могла сохранять достоинство.

— У вас вода сейчас пойдёт внутрь, — сказал Артём.

Я посмотрела на дверь. Под ней появилась тонкая блестящая полоска.

Достоинство пришлось отложить.

— Лена!

Она уже выходила из подсобки с ведром.

— Вижу.

Я схватила швабру. Артём поставил чашку на стойку и шагнул к двери.

— Не открывайте! — сказала я.

— Я и не собираюсь.

Он подхватил с пола деревянный ящик с горшечными гортензиями.

— Куда?

— На стол. Нет, на этот. Осторожно, он…

Артём поставил ящик именно на устойчивую половину столешницы.

Даже это заметил. Меня начинало раздражать, насколько полезным он оказался.

Мы с Леной согнали воду в сторону входного коврика. Пожилая женщина подняла собаку на колени и сказала ей:

— Сиди тихо, Боря, люди работают.

Боря смотрел на нас с явным сомнением.

— Нужна длинная щётка, — сказал Артём.

— Вам для чего?

— Там листья у желоба. Если убрать, часть воды уйдёт во двор.

Лена без слов протянула ему швабру. Через несколько секунд он уже стоял снаружи под дождём и счищал мокрую листву с узкого стока возле ступеней.

Я приоткрыла дверь.

— Вы промокнете!

Он посмотрел на меня через мокрые волосы. Потом опустил взгляд на свою рубашку. Я захлопнула дверь.

— Ничего не говори, — предупредила я Лену.

— Я просто стою.

— Ты выразительно стоишь.

Вода у порога начала отступать.

Артём вернулся, поставил швабру у стены и закатал манжеты. На предплечье прилип маленький жёлтый лист.

Я почему-то заметила именно его.

Не лужу. Не провал операции. Не то, что моя идеальная романтическая пауза превратилась в субботник.

Этот лист.

Я протянула руку и сняла его, прежде чем успела подумать.

Артём замер.

Мои пальцы на мгновение коснулись тёплой кожи.

— У вас… — сказала я и показала лист.

— Осень?

— Да. Немного.

— Спасибо.

Я отошла за стойку слишком быстро и тут же задела локтем ложку.

Она упала на пол.

Прекрасно.

Теперь мне требовалось наклониться и побыть там какое-то время.

Желательно до весны.

Когда я выпрямилась, Артём наконец держал чашку.

Сделал глоток.

Я невольно выдохнула.

Ну вот.

Всё-таки горячий чай, мягкий свет, цветы. Дождь стихал. В кафе пахло мокрой шерстью, заваркой и миндалём. Можно было считать, что сценарий просто выбрал длинный путь.

— Кстати, — сказал он, — у вас есть бумага?

Я насторожилась.

— Для чего?

— Покажу, как отвести воду от входа. Тут работы на полдня, если сделать нормально.

Лена отвернулась к кофемашине.

Её плечи подозрительно дрожали.

Я достала из принтера чистый лист и положила перед Артёмом.

Он вынул из нагрудного кармана карандаш.

Разумеется, карандаш у него был с собой.

Сухой.

— Вот ваша ступенька, — начал он.

Я посмотрела на его склонённую голову. На влажные волосы у виска. На уверенную руку, которая несколькими линиями превратила нашу беду в понятную схему.

Чай снова остывал возле его локтя.

— А вот здесь, — продолжил он, — главная ошибка.

Под стойкой тихо пискнул терминал.

«ОБЪЕКТ УСПЕШНО РАЗМЕЩЁН В УЮТНОЙ ОБСТАНОВКЕ. ОЦЕНИТЕ РЕЗУЛЬТАТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА.»

Я не глядя нажала «Позже» и придвинула Артёму сахарницу.

Не потому, что он попросил. Просто ещё немного — и мне захотелось бы придвинуть ему что-нибудь гораздо тяжелее.

Глава 4

«Нарушение протокола 4»

— У вас перед входом вода стоит, — сообщил Артём.

Я посмотрела на него через стойку.

С волос капало. На плечах тёмного пальто блестели капли. В одной руке он держал тубус, другой придерживал дверь, которую ветер пытался вырвать из пальцев.

Резервный протокол: ***«Внезапный ливень» сработал безупречно.»***

Если не считать того, что вместо благодарного мужчины, спасённого от непогоды, я получила выездное заседание комиссии по благоустройству. — Правда? — спросила я. — А я думала, у нас наконец появился пруд. Хотела запустить карпов.

Артём закрыл дверь.

— Решётка забита листьями.

— Они осенью часто так делают. Падают. Совершенно неуправляемые существа.

— А уклон плитки направлен к порогу.

— И плитка туда же. Никому нельзя доверять.

Он посмотрел на меня внимательнее. Я взяла чистую чашку. Очень хотелось занять руки, прежде чем они начнут вы-

ражать отношение к посетителю без согласования с головой. Артём поставил тубус у свободного стула.

— Вы сердитесь.

— С чего бы?

— Не знаю. Но если я сейчас попрошу кофе, вы, кажется, выдадите мне его на пересдаче.

Я подняла глаза.

— Что?

— Вы смотрите на меня не как на гостя. Как строгий профессор на двоечника, который пришёл без курсовой и ещё спорит.

Хуже всего было то, что он попал точно. Я действительно смотрела на него с немым вопросом: *ну что же с вами не так?* С яблоками не сработало. Дождь вызвал техническую экспертизу. Ещё немного — и для знакомства ему придётся организовать обрушение несущей стены. Хотя и тогда он наверняка сначала проверит документацию.

— На двоечника я смотрела бы с надеждой, — сказала я. — Он хотя бы способен учиться.

Уголок его рта дрогнул.

— А у меня всё настолько плохо?

— Вы зашли в цветочное кафе во время ливня и первым делом оскорбили нашу плитку.

— Я могу извиниться перед плиткой.

— Не поможет. Она ранимая.

Он всё-таки улыбнулся. Ненадолго, но вполне достаточ-

но, чтобы я чуть сильнее сжала чашку. Ну конечно. Ещё и улыбка хорошая. Природа иногда распоряжается ресурсами с возмутительной безответственностью.

— Чай будете? — спросила я сухо.

— А кофе уже нельзя?

— Можно. Но вы промокли.

— Кофе от этого испортится?

— Нет, просто в чае есть имбирь.

— Убедительный аргумент.

Я отвернулась к рабочей поверхности. В стекле кофе машины отразились мои щёки. Розовые. От пара, разумеется. Весьма своевременного, учитывая, что кофе машина сейчас не работала.

— Пальто можете повесить у двери, — сказала я. — Только не на крайний крючок.

Артём уже потянулся к нему.

— Почему?

— Держится на честном слове.

Он проверил крепление пальцами.

— На коротком саморезе.

— Вот видите. Даже честного слова не положили.

Он снял пальто, повесил на соседний крючок и закатал рукава свитера. Я открыла банку с чаем. Закрыла. Открыла нужную. Очень удобно, когда человек раздевается в пределах видимости и сразу выясняется, что ты забыла, где у тебя чай. Пять лет работы за стойкой — всё зря. Можно уволь-

няться и заниматься чем-нибудь простым. Например, проектированием мостов.

— Вы всегда такой? — спросила я.

— Мокрый?

— Всё замечаете.

— Не всё.

— Что-то не верится.

Он сел у стойки.

— Я сегодня уехал не в ту сторону на метро.

Я едва не уронила крышку.

— Бывает.

— По вашему лицу не скажешь.

— По моему лицу вообще многое можно сказать. Не всему стоит верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.